

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКОНОМИИ В ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

©*Гасанова К., Азербайджанский государственный педагогический университет,
г. Баку, Азербайджан, abdullazade_konul@mail.ru*

MANIFESTATION OF ECONOMY IN GENERALIZED PERSONAL SENTENCES OF PROSE TEXTS

©*Gasanova K., Azerbaijan State Pedagogical University,
Baku, Azerbaijan, abdullazade_konul@mail.ru*

Аннотация. В прозаических текстах обобщенно-личные предложения являются одной из конструкций активно используемых односоставных предложений, и в этих конструкциях с точки зрения закона лингвистической экономии проявляются определенные характерные особенности. Так, в одной части обобщенно-личных предложений в прозаических текстах, сказуемое которых выражается глаголом в повелительной форме первого лица, единственного числа или второго лица, единственного числа экономят на подлежащем, выраженном местоимениями. К таким предложениям в основном относятся пословицы, поговорки, афоризмы, предложения, содержащие совет или наставление. В прозаических текстах обобщенно-личные предложения со сказуемым во втором лице, единственном числе по своей форме напоминают двусоставные предложения с опущенным подлежащим. Если в какую-либо синтаксическую конструкцию, то есть в предложение невозможно добавить подлежащее, выраженное личным местоимением, это означает, что данное предложение относится к обобщенно-личным. Следует отметить, что между обобщенно-личными предложениями со сказуемыми в третьем лице, множественном числе и неопределенно-личными предложениями с формальной точки зрения наблюдаются определенные схожести. Основной общей чертой этих предложений является сказуемое в третьем лице, множественном числе. В неопределенно-личных предложениях, как видно и из названия, лицо, выполняющее действие, является неопределенным. А обобщенно-личные предложения выражают действие, относящееся ко всем в любое время и в любом месте. Принимая во внимание, что в азербайджанском языкознании не упоминается закон лингвистической экономии в обобщенно-личных предложениях, мы постарались подробно рассмотреть в статье эти вопросы.

Abstract. In prose texts, generalized personal sentences are one of the constructions of actively used one-component sentences, and in these constructions, from the point of view of the law of linguistic economy, certain characteristic features appear. So, in one part of generalized personal sentences in prose texts, the predicate of which is expressed by the verb in the imperative form of the first person, singular or second person, singular, they save on the subject expressed by pronouns. Such sentences mainly include proverbs, sayings, aphorisms, sentences containing advice or instruction. In prose texts, generalized-personal sentences with a predicate in the second person, singular in their form resemble two-part sentences with an omitted subject. If it is impossible to add a subject expressed by a personal pronoun to any syntactic construction, that is, to a sentence, this means that this sentence belongs to generalized personal ones. It should be noted that, from a formal

point of view, there are certain similarities between generalized personal sentences with predicates in the third person, plural and indefinite personal sentences. The main common feature of these sentences is the predicate in the third person, plural. In indefinite personal sentences, as the name implies, the person performing the action is indefinite. And generalized personal sentences express an action that applies to everyone at any time and in any place. Taking into account that the law-linguistic economy is not mentioned in Azerbaijani linguistics in generalized personal sentences, we tried to consider these issues in detail in the article.

Ключевые слова: Прозаические тексты, обобщенно-личные предложения, экономия, лингвистический анализ.

Keywords: Prose texts, generalized personal sentences, economy, linguistic analysis.

Одной их синтаксических конструкций, служащих описательной гибкости в прозаических текстах, являются обобщенно-личные предложения, и, будучи одним из видов односоставных предложений, они составляют в основном пословицы и поговорки. Начиная с древних времен создатели фольклора произносили мудрые мысли в сжатой, лаконичной форме, сумев с помощью малого количества слов создать ясные, насыщенные и впечатляющие образцы. Некоторые из этих пословиц и поговорок в связи со своей склонностью к экономии закрепились как неполные предложения. «Но такие неполные предложения отличаются от обычных неполных предложений по качеству. В некоторых случаях созвучие, ритм, рифма, художественное обобщение и образность во фразеологических единицах служат причиной опущения повторяющегося сказуемого или его окончания, и выраженная здесь мысль преподносится в сжатой, ясной и впечатляющей форме» [1, с. 144]. Обобщенно-личные предложения, состоящие из пословиц и поговорок, сформированных на основе принципа экономии, непосредственно связаны и зависят от семантических свойств прозаических текстов. Например: Вопрос показался Имдаду очень странным и забавным:

–Səbəbi aydındır. Bizlərdə deyərlər: düşməni səni daşla, sən düşməni daşla... (Причина ясна. У нас говорят: Враг тебя камнем, а ты его пловом...) [2, с. 101];...Muxtar arada söz gəzdirir, birinin üstünə beşini qoyub, bundan ona, ondan buna deyərdi. Atalar sözüdür: qazan altdan köz, adam altdan söz....dostlar bir-birinin kölgəsini qılınclamaq dərəcəsinə gəlirdilər (...Мухтар разводил сплетни, раздувая каждое слово, разносил его от одного к другому. Есть такая пословица: Угли из-под кастрюли, слово из-под человека... друзья доходили до той стадии, что готовы были разрубить тени друг друга) [2, с. 203].

Из структуры каждого синтаксического целого ясно видно, что в первом было сэкономлено (опущено) сказуемое “qarşıla” (“встречай”), а во втором морфологический показатель “dır” (равноценно значению слова “есть”) на конце слов. Главной причиной этого является избежание повторного использования этих слов и окончаний в обоих компонентах пословиц. Также из общего содержания данных пословиц мы видим, что оба фольклорных материала по своей сути имеют широкие семантические оттенки.

В прозаических текстах пословицы и поговорки, можно сказать, в большинстве случаев по своему содержанию имеют тесную семантическую связь с речью повествователя, то есть в зависимости от художественной цели писателя, несмотря на сокращение некоторых слов в их составе, художественная мысль выражается в форме приказа. Например: *Balkə gəlib ki, gic,*

dəli çekmitaya qızına baş çəkməyə? – Ziyarət...ticarət məsələsi (Может пришел навестить свою блажную, сумасшедшую дочку? – Как говорится, визит ... торговля)⁴ [3, с. 99].

Из слов, используемых после вопросительного предложения, сразу чувствуется, что писатель утвердил свою художественную мысль с помощью поговорки *Həm ziyarət, həm ticarət* [дословно: *И визит, и торговля. Значение: пользуясь случаем*] и целенаправленно опустил в каждом компоненте фразы союз “и”, чем сформировал экономию. Несмотря на это внимательному читателю не составляет особой трудности определить функциональную структуру и элементы поговорки и заново восстановить их в абстрактной форме. На языке прозы в пословицах и поговорках, как целых, так и подвергшихся сокращению, «...мысль выражается в приказной, императивной форме» [4, с. 181], то есть функциональная структура поговорки, использованной в составе вышеприведенного предложения, вместе со всеми элементами служит вынесению приговора, универсализации, выраженной в форме приказа.

В обогащении фразеологии нашего языка часть пословиц и поговорок играют особую роль и «... малая часть пословиц и поговорок нашего языка выступает как полная составная часть речи автора. Обладающие этим признаком уже вошли во фразеологическую систему языка и превратились в один из источников его обогащения» [5, с. 40]. Как закономерное состояние нашего языка, в структурах этих пословиц и поговорок произошли определенные изменения в соответствии с принципом экономии, благодаря опущению некоторых слов в этих фразах, были сформированы фразеологические единицы. Например: Пословица “*Tülkü tülkülyünü sübut edincə dərisini boğazından çıxararlar*” (После того как лиса докажет свою сущность, ее шкуру сдирают через горло) [6, с. 17] является мудрым изречением, состоящим из 7 лексических единиц. Из этого изречения были опущены определенные слова и сформирована фразеологическая единица из 3 слов “*dərisini boğazından çıxarmaq*” (содрать шкуру через горло). Вне художественного текста пословица “*Tülkü tülkülyünü sübut edincə dərisini boğazından çıxararlar*” по своему содержанию и структуре имеет завершенную форму, то есть поэтическое, императивное суждение как по содержанию, так и по выражению, по семантическому плану — полное. Для фразеологической единицы “*dərisini boğazından çıxarmaq*”, созданной на основе этого изречения, обязательно нужен художественный контекст. Например: –*Mənim adıma Qara Nəbi ilə topladığım şeylər haradadır? Deməsən, dərinə boğazından çıxarsağam!* (Где те вещи, которые мы собрали на мое имя вместе с Кара Небу? Если не скажешь, то содру с тебя шкуру) [5, с. 41]. По фразеологической единице “*dərisini boğazından çıxarmaq*”, употребленной в составе предложения, сразу становится очевидно, что художественное выражение, “заклучая в содержании ультиматум” [7, с. 12], имеет предостерегающий характер.

В нашем языке из пословицы “*Namərdin çörəyi dizinin üstündə olar*” [6, с. 15] была создана фразеологическая единица *çörəyi dizinin üstündə olmaq*, из “*Sözü bütövdür, özü yarımçıq*” –*sözü bütöv*, из “*Üz vermə astar da istər*” [6, с. 73] –*üzvermək*, из “*Aşı bişirən yağdır, gəlinin üzü ağdır*” (6,75) – *üzü ağ olmaq*, из “*Qaz vur qazan dolsun, sərçədən nə çıxar*” [6, с. 83] — “*qaz vur qazan dolsun*”, из “*Hesabi doğru olanın alını açıq olar*” (6,66) –*alını açıq olmaq*, из “*Kasıbın gözü tox olar*” [6, с. 90] – *gözü tox olmaq*, сокращения в которых произошли в соответствии с явлением экономии.

Употребление в художественном тексте фразеологических единиц, созданных на основе пословиц и поговорок и, несомненно, подвергшихся определенным операциям, сильно

⁴ Это дословный перевод. На самом деле пословица полностью звучит как *Həm ziyarət, həm ticarət* и имеет значение «пользуясь случаем».

влияет на передачу мысли в образной форме. Кроме этого, в нашем языке существуют некоторые пословицы и поговорки, прошедшие через тысячи лет, и с периода создания этих мудрых изречений в их составе были сделаны сокращения для избежания повтора, к этим выражениям был применен закон экономии. Например: *O, qəzəbli bir tərzdə dedi: – İlanın ağına da lənət, qarasına da* [3, с. 108]; *Gecə yarısına qədər davam edən söhbətə o, yekun vurdu: - Söz sözü gətirər, arşın bezi-deyib ayağa qalxmağı təklif etdi* [2, с. 201]; *Anlayana da can qurban, anlatayana da, dad yarımçıq əlindən* [6, с. 35]. (*Он гневно сказал: – Пусть будет проклята и черная и белая змея.* [3, с. 108]; *Он завершил разговор, продолжавшийся до полуночи: — Слова хороши, если они коротки (Дословный перевод: Слово приведет за собой слово, а аршин –бязь).* — *и предложил расходиться* [2, с. 201]; *Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит (Дословно: жизнь отдам и за того, кто поймет, и за того, кто не поймет — будетон невеждой)* [6, с. 35].

В первом примере во втором компоненте пословицы опущено слово *lənət* (*проклята*), во втором — глагол *gətirər* (*приведет*), в третьем – выражение *can qurban* (*жизнь отдам*), но несмотря на это читатель подсознательно может восстановить их на своих местах. Во время общения в одном и том же значении используются как полные варианты этих пословиц, так и сокращенные: “*ağına, qarasına lənət*” в первом, “*dad yarımçıq əlindən*” во втором, “*söz sözü gətirər*” в третьем примере. Но характеризующиеся такими свойствами предложения остаются сокращенными вариантами пословиц и поговорок, так как не меняются по лицам и, следовательно, по содержанию и форме не обладают качествами, присущими фразеологическим единицам, то есть не превращаются непосредственно в составную часть суждения. Большинство пословиц и поговорок, используемых в прозаических текстах мастерами слова, имеют структуру обобщенно-личного простого предложения. Наши исследования показывают, что некоторые из них, имеющих прямое значение, при употреблении в переносном значении и подвергании структурным изменениям преобразуются во фразеологические единицы. Например: рассмотрим пословицу *İsti aşı soyuq su qatmazlar*. Прямое значение этого мудрого изречения как раз состоит в рекомендации не добавлять холодную воду в горячий плов, потому что при выполнении этого действия вкус блюда меняется в худшую сторону. Поэтому при необходимости советуют подливать в горячий плов горячую воду. Но в нашем языке это выражение используется как в прямом, так и в переносном значении. Переносное значение этого выражения состоит в том, что придя к какому-либо соглашению при выполнении определенного дела, нельзя разрешать третьим лицам вмешиваться и служить причиной нарушения соглашения. Для выражения этого значения в строении данного фольклорного образца делается определенное изменение: “в связи с содержанием выражаемой мысли в предложение вводится подлежащее, состоящее из всех трех лиц (существительное или личное местоимение). Таким образом, обобщенно-личное предложение наряду с выражением переносного значения по строению превращается в определенно — личное. Например: как в предложении –*Sən mənim isti aşına soyuq su qatma*” (*Ты не суй свой нос в мои дела*) [5, с. 42].

На языке прозы пословицы и поговорки как смоделированный языковой материал актуализируются в большинстве случаев, после совершенного с ними сокращения они представляют собой серьезный творческий акт и приобретают важные структурно-семантические возможности. Например, в народе часто используется пословица *Yetmişində öyrənən gorunda çalar* (*Старого учить, что мертвого лечить*). Иногда писатель в связи с психологическим состоянием персонажа намеренно сокращает второй компонент этой пословицы, то есть опускает часть “...gorunda çalar” (...что мертвого лечить): *Nədi mənası*.

Deyir yetmişində öyrənən... Mən də ömrümün bu axır çağında öyrənim ki, bəlkə inkişaf bir cavab verə bildim. (Какая разница. Как говорится, старого учить... Но я буду учиться на закате своей жизни, может смогу дать ответы Мункару и Накуру) [8, с. 323].

Как мы видим, данные пословицы, хоть и в неполном виде приспособляются к структурной семантике синтаксического целого в качестве акта художественности, после преобразовательной экономии приобретают особую динамику и свежее очарование.

В художественной среде мастер слова обладает непосредственной властью для изменения структур пословиц и поговорок, адаптации их к закону экономии, и в этом случае “он/она придает им новые стилистические оттенки значений, сокращая части устоявшихся выражений, другими словами, присваивая, подгоняя их под себя” (9, 405). Например: –*Səfehləmə, Nəcəf, sən də eşşəyə gücün çatmır... Hünərin varsa, andraniklərə, onun yolunu tutan əclaf ertəni daşnaklarına özünü göstər (Не глупи, Наджаф, у сильного всегда бессильный виноват (Дословно: Не можешь справиться с ослом)... Если такой храбрый, иди сразись с андраниками и следующими за ними подлыми армянскими дашнаками) [10, с. 91].*

Хоть во втором компоненте и опущена синтаксическая конструкция “*palanını toqqaşlamaq*” (бить вьючное седло), это не оказало влияния на художественную семантику пословицы. В таком случае пословицы обнаруживают стилистические отношения в контексте и в художественной среде предстают в качестве завершенных выражений, завершеного значения.

В народе для сравнения хорошего с хорошим, а плохого с плохим, в момент учитывания как хорошего, так и плохого обращаются к выражению типа *Qoyunu qoyun ayağından, keçini keçi* (Богово Богу, кесарево кесарю. Дословно: овцу за овечью ногу, козу за козью), и в выражении, выглядящем на первый взгляд обычным, прослеживается глубокое общественное значение, подразумеваются отношения людей, относящихся к разным слоям общества, с одинаковыми или разными мировоззрениями. Например, по структуре точно можно сказать, что при создании поговорки наши предки в обоих ее компонентах следовали принципу экономии, в первом компоненте они опустили глагол “*asarlar*” (вешают), а во втором – “*ayağından asmaq*” (вешать за ногу). Эту форму данной поговорки можно встретить и в прозаических текстах. Например: *Köhnə Həsənlinin başına gələnlərdən söhbət düşəndə kəndimizin bəzi ağsaqqalları ayrı cür hava çalırdılar. Deyirdilər, qoyunu qoyun ayağından asarlar, Keçini keçi (Когда речь заходила о событиях, приключившихся с Кохне Гасанлы, некоторые аксакалы нашей деревни начинали петь по другому. Говорили, Богово богу, кесарево кесарю) [10, с. 25].*

Пословица *Uşağı bələkdə, küçüyü dətəkdə* [Дословно: Нужно учить ребенка с колыбели, а щенка с норы], используемая для прививания хорошего воспитания детям, охватывает один дидактический сюжет. Обе стороны этой пословицы, употребляемой в форме общего приказа – предостережения, подверглись экономии. Так, в первой части изречения опущена частица “*gərək*” (нужно), а во второй глагол “*öyrədəsən*” (учить). На уровне подсознания или в результате умственной деятельности в этом изречении механически убирается экономия и опущенные элементы занимают свои места. Например: – *Yox, İsfəndiyar, səhvən var, – dedi. – Ağacın əyrisini sivi vaxtı düzəltmədin, yoğunlayandan sonra ha çalışsan xeyri yoxdur. Gərək uşağı bələkdə, küçüyü dətəkdə öyrədəsən... (– Нет, Исфендияр, ты ошибаешься, – сказал. – Если ты не выпрямил дерево, пока оно было маленькое, то после того, как оно вырастет, сколько ни трудись, никакой разницы. И к худу, и к добру приучаются смолоду) [10, с. 33-34].*

Заражение пословицами и поговорками языка прозы и обогащение его эстетическими достоинствами представляет собой интересный процесс, а разъяснение

свойств целенаправленного изменения этого процесса мастером слова и адаптивное к принципу экономии является очень важным для привнесения ясности существенным закономерностям процесса. Так как принцип экономии имеет индивидуальный характер, он в творческом стиле каждого писателя проявляет себя с помощью специфических черт. Например, имеющая в фольклорных книгах дидактический характер изречение *Yetimə can-can deyən çox olar, çörək verən az* (Маленьких сирот кормить не хочется, не отработают. Дословно: Сироту многие приголубят, но мало, кто накормит). В некоторых прозаических текстах второй компонент этого изречения в целях экономии полностью опускается:

– *Eh mənim balaca dostum, eşit, agah ol ki, yetimə can-can deyən çox olar...* (Ах, мой маленький друг, слушай и знай, что маленьких сирот кормить...) [10, с. 55]. В следующем так называемом афоризме как глагол, так и личное местоимение (*mənim/ мой*) опущены: *Əkinçilər həmişə deyir ki, qarlı qışın ola, dumanlı yazın* (Пахари всегда говорят: Снежной зимы, туманной весны) [10, с. 67].

Большинство пословиц и поговорок достаточно приемлемы для обобщенно-личных предложений со сказуемым в III лице, множественном числе. В изречениях, выраженных в этой форме, широко наблюдаются случаи проявления принципа экономии. Например: *Hamısı tənbal-tənbal şeydir. Nə ölüyə hay verəndilər, nə diriyə pay* (Все они лентяи. От них, как от козла молока. Дословно: не подадут голос мертвому, ни подарок – живому) [10, с. 81].

В начало пословицы, использованной здесь, можно добавить местоимение III лица множественного числа “*onlar*” (“они”), а в конец второго компонента пословицы сказуемое “*verəndilər*” (*подадут*). Если исключить из предложения принцип экономии, то изречение также будет употребляться в форме обобщенно-личного предложения, а определенные изменения в его структуре не окажут никакого влияния на семантику. Г. Казымов, отличающий обобщенно-личные предложения от неопределенно-личных на основе точных критериев, показывает, что “Хотя обобщенно-личные предложения со сказуемым в III лице, множественном числе по строению и семантическим особенностям близки к неопределенно-личным предложениям, но по смысловому объему отличаются от них. Для того, чтобы отличить этот вид обобщенно-личных предложений (со сказуемым в III лице, множественном числе) от неопределенно-личных предложений, надо обратить внимание на их смысловой объем: относится ли деятельность, действие ко всем или охватывает одного человека или одну группу людей. Например, предложение *Qoy sizi irəli çəkib direktor qoysunlar* (В. Ваугатов) (Пусть вас повысят и назначат на должность директора) является неопределенно-личным: здесь действие (назначат на должность директора) может относиться к одному лицу или к группе лиц. Предложение *Ürək ağrısını ovmazlar* (Не бередит рану) выражает действие, относящее ко всем, поэтому оно – обобщенно-личное. Также, *Sən boyda məsul işçini heç zaddan vəzifədən götürməzlər. Qaranlıq yerə daş atmazlar* (Они не освободят от должности такого ответственного сотрудника, как ты. Не полезут на рожон) – первое из данных предложений неопределенно-личное, а второе обобщенно-личное. Увольнением с работы сотрудника может заниматься один человек или группа людей, действие относится к одному лицу или к группе неопределенных лиц. Дело, выраженное предложением *Qaranlıq yerə daş atmazlar* (Не лезть на рожон) является действием, получившим форму правила и относящимся ко всем, везде” [11, с. 184].

Сказуемое некоторых пословиц и поговорок, употребляемых в прозаических текстах с определенными стилистическими целями, бывает во II лице, единственном числе. По общей структуре предложений со сказуемым, выраженным глаголом во II лице, единственном числе, создается впечатление, словно здесь пропущено местоимение “ты”. Например:– *İndi,*

qardaşoğlu, o Cümşüd məsələsindən addayıb. Atalar demişkən, yalvarana yalvar (Теперь, племянник, она забыла о Джумиуде. Как говорится, люби того, кто любит тебя) [10, с. 80]. Если мы добавим местоимение “*ты*”, представляемое нами подсознательно, в изречение, то предложение станет двусоставным, определится исполнитель дела, и предложение потеряет функцию обобщенно-личного предложения. Так как в изречении *Yalvarana yalvar* местоимение “*ты*” охватывает всех с семантической точки зрения, то оно является обобщенно-личным, следовательно, принцип экономии служит формированию ряда видов предложений.

В некоторых пословицах и поговорках принцип экономии наблюдается и на морфологическом уровне в качестве закономерного лингвистического явления. Например: во втором компоненте изречения *El ağzi, sel ağzi (çıval ağzi)* (*Скажешь с уха на ухо – узнают с угла на угол. Дословно: Рты у народа словно поток*) для придания приказной формы должно было употребляться окончание “*dır*”. Но автор опустил этот морфологический показатель, сообщил мысль, выражающую общность с семантической точки зрения. Например: *Niyəsini də açıb-ağartmış, El ağzi, sel ağzi* (*Причину тоже не раскрыл, Скажешь с уха на ухо – узнают с угла на угол*) [10, с. 83].

Таким образом, в прозаических текстах активно проявляют себя сильное влияние и связь народного языка, в передаче народного духа, национального колорита в простой и естественной форме наряду с другими синтаксическими конструкциями играют важную роль и сокращенные обобщенно-личные предложения.

Список литературы:

1. Джавадов А. М., Юсифли Ш. В., Адилев Р. А. Стилистика азербайджанского языка. Баку: Элм, 1990. 145 с.
2. Валиев А. Звезды времени. Баку: Писатель, 1976.
3. Kazımov T. Taleyin qisməti beləymiş yəqin....dördüncü kitab, Bakı: Nurlan, 2010ü 592 с.
4. Rzasoy S. “Kitabi- Dədə Qorqud” eposu paramioloji vahidlərinin (atalar sözləri) funksional semantikasında mifoloji invariant strukturunun roluna dair” // Azərbaycan ədəbiyyatının tarixi poetikası. Bakı: Elm, 2006. С. 167-200.
5. Байрамов Г. А. Основы фразеологии азербайджанского языка: Автореф. ... д-ра филол. наук. Баку, 1970. 161 с.
6. Гусейнзаде Г. Азербайджанские пословицы и поговорки. Баку: Азернешр, 1959. 124 с.
7. Насиєв Т. Sabir qaunaqlar və sələflər. Bakı: Yazıçı, 1980. 175 с.
8. Керимзаде Ф. И. Мост Худаферин. Баку: Язычы, 1982. 382 с.
9. Гусейнов М. Язык и поэзия. Баку: Наука, 2008. 434 с.
10. İldırımoğlu Ə. Daş yağan gün. Bakı: Nurlan, 2011. 240 с.

References:

1. Dzhavadov, A. M., Yusifli, Sh. V., & Adilov, R. A. (1990). Stilistika azerbaidzhanskogo yazyka. Baku. (in Russian).
2. Valiev, A. (1976). Zvezdy vremeni. Baku. (in Russian).
3. Kazımov, T. (2010). Taleyin qisməti beləymiş yəqin....dördüncü kitab, Baku. (in Azerbaijani).
4. Rzasoy, S. (2006). “Kitabi- Dədə Qorqud” eposu paramioloji vahidlərinin (atalar sözləri) funksional semantikasında mifoloji invariant strukturunun roluna dair”. In Azərbaycan ədəbiyyatının tarixi poetikası, Baku. 167-200. (in Azerbaijani)

5. Bairamov, G. A. (1970). *Osnovy frazeologii azerbaidzhanskogo yazyka: Avtoref. ... d-ra filol. nauk.* Baku. (in Russian).
6. Guseinzade, G. (1959). *Azerbaidzhanskije poslovitsy i pogovorki.* Baku. (in Russian).
7. Hacıyev, T. (1980). *Sabir qaynaqlar və sələflər.* Baku. (in Russian).
8. Kerimzade, F. I. (1982). *Most Khudaferin.* Baku. (in Russian).
9. Guseinov, M. (2008). *Yazyk i poeziya.* Baku. (in Azerbaijani).
10. İldırımoğlu, Ə. (2011). *Daş yağan gün.* Baku. (in Azerbaijani).

*Работа поступила
в редакцию 01.03.2022 г.*

*Принята к публикации
07.03.2022 г.*

Ссылка для цитирования:

Гасанова К. Проявление экономии в обобщенно-личных предложениях прозаических текстов // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. №4. С. 596-603. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/77/72>

Cite as (APA):

Gasanova, K. (2022). Manifestation of Economy in Generalized Personal Sentences of Prose Texts. *Bulletin of Science and Practice*, 8(4), 596-603. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/77/72>